

К84(2-411.2)6
С69

Никон Сочихин

20 22

К84(2-411-2)6
с 69

СТИХИ

20 22

9001120963

1357
КР

МБУК ЦБС г.Сургут

Инв № 23111397

Библиотека КР

ОБЯЗАТЕЛЬНЫЙ
ЭКЗЕМПЛЯР

Время СССР

В те баснословные годы
Я пел романтиков труда.

Геологов, нефтяников
В труде неуставайников.

И сам я был из тех полков,
Пусть даже не всегда толков.

И, может, кто-нибудь из них
И слышал мой правдивый стих.

Иль было им не до того
Что, впрочем, тоже ничего.

Страны советской трудники,
- Саднит в груди печаль -

Где вы, мои сопутники,
Ушли в какую даль?

Родина вас не забыла
И помнит горячо.

Сколько романтиков было,
Сколько будет ещё!

Таких как Мы!

Эх! Эх, хорошо
Увлекательно
Жить сегодня дружок
Замечательно.

Каждый день, каждый час
Нам ли тешиться,
На работу у нас
Руки чешутся

Открываем пути
Мы без боли
Сто дорог обойти,
Или более.

Тыщи дел совершить,
Каждый подвиг чтоб
А иначе и жить- то ведь
Не за что

Здесь тайга поёт,
Там шумят поля –
Впереди идёт
Комсомолия

То ли с севера,
То ли с юга мы
Жизнь меряя,
Стали другами.

Нам ли тесно
От обоюдности
Побеждаем совместно
Все трудности

Ставим цель мы во всем
Незабвенню.
Удивляем трудом
Всю вселенную.

Всё что в планах сейчас
Будет пройдено.
Цель одна у нас.
Одна Родина

Нам советским
Великая миссия -
Строчки светлые
В летопись вписывать.

Площадь Ленина

Стоит Ильич на площади
И имени свово,
Где мы идём, как лошади,
Косяся на него.

Он – сам с царём расправился,
С царевнами к тому ж,
И тем уже прославился,
Как досточтимый муж.

И мы его на пьедестал –
Монументальней чтоб –
Чтоб сразу всем он виден стал,
И слышен сразу чтоб

Он кепку сжал в одной руке,
Другой нам кажет путь,
Что наша цель невдалеке,
Не сбиться б, не свернуть.

И вот по той же площади
Смиренно, как-нибудь
Идём-бредём, как лошади,
Теперь в обратный путь

И всё ничего бы, да вот беда,
Свернули где-то не туда.

Нас к светлым свершениям тянет
Товарищи, поступь чекань!
Пусть даже в пути нашем встанет
Неодолимая грань.

Уйдёте вы грань ту осиля,
Расстаят вдали голоса,
И светлая Матерь-Россия
Закроет мои очеса

И стану лежать я спокойно
Под пологом отчей земли,
Как всякий, кем прожит достойно
Тот путь, что ему отвели.

Россия с 17 по 21 годы вкратце

В тысяча девятьсот семнадцатом году
При буйстве народа в мечте о свободе

Мы своих буржуев раз и к ногтю
Утю-тю-тю!

И вот сегодня, сто лет спустя,
Задумались об этом совсем не шутя.

Мы целый век,
Как один человек,
Жили – выживали.
Социализм создавали.

А тут – война,
Вот тебе и на!

Почти на пределе
Войну одолели.

И вновь приняли рабочую стойку
И всю страну превратили в новостройку.

Нефть Самотлора и Братская ГЭС
Пробуждали в народе живой интерес.

БАМ и КАТЭК, космос и целина
Поднимала, как знамя, родная страна.

И наш заморский дядюшка Сэм
Был озабочен деянием сем.

И как видно,
Стало ему обидно,
Что какие-то там Советы
Знают тому секреты

Думал он, думал. Гадал он, гадал
И, казалось, уж было, совсем совладал,
Так что в башку нам запала идея –
Как это мы без буржуя-злодея?

Весь мир же у них в руках,
А мы?

Aх!
Aх!

И давай всё родное крушить,
Чтобы тоже по-ихнему жить.

И новых буржуев-олигархов-рабов обладателей
Назвали умильно «работодатели»

И повсеместно и тама и сяма
Внедрили законы дядюшки Сяма,
то бишь Сэма.
Ну и так далее...

То, что впоследствии сделалось с нами,
Вы знаете сами.

Весенний сессии аврал
Пришёл – ушёл, и слава Богу,
И прежде чем начать дорогу
Пойдём, подержимся за интеграл.*

Там у окна поближе к свету
Викторию отметим эту

Наш ректорат.
Наш деканат.
Виват, виват!
Виват, виват!

Друзьям – геологам

Все ждут весну с надеждой радужной,
Крестьянин ждёт, и президент,
И всё ж никто ей так не радуется,
Как, радуется ей студент.

И недаром небо чуть рассвежится
И пригреет солнышко слегка,
Никакой студеус не удержится,
Чтоб не примерить лямки рюкзака.

Пусть не сразу к нам придут открытия,
В мире тайн – неведомый запас.
Приумолкнут стены общежития,
Из маршрутов ожидая нас.

Мы пойдём по северным дорогам,
Нам никак нельзя их обойти,
Там сейчас работы очень много,
Значит, там без нас не обойтись.

И продымясь уже навек кострами,
И укрепив к познанию любовь,
Промытые дождём, продутые ветрами,
Как дружная семья, мы соберёмся вновь.

Снова будет встречать рассвет,
Круг друзей моих шумен и весел.
И пройдут пять студенческих лет,
Словно пять замечательных песен.

Летят года, меняя нашу внешность
Но душой не поддадимся им,
И весны тревожную мятежность
Мы ещё надолго сохраним.

И порой, лишь небо чуть рассвежится,
И пригреет солнышко слегка,
Осточертеет нам в квартирах нежится,
И старый свой рюкзак начнём искать.

Избушка-насыпушка
Под берегом стоит,
В избушке-насыпушке
Живёт один пнит.

Он ходит на работу
И пьёт не только чай,
А что стихи слагает,
То как-то невзначай.

Посвящения дружеские

Поздравляем нашу Виту с Днем её рождения.
Ты Витулечка у нас, надо сказать, явление.
От музы и от музыки тебе отвернуть нельзя,
Это тебе от рождения, это твоя стезя.

Самого-самого лучшего, подруги твои и друзья.

—
Наша Вита

В стихах завита.
А кто виной тому, если?
До-ре-ми-фа-соль-ля-си.
До.

Никто нам не скажет как надо писать,
Сами не знают, по правде сказать.
Как тебе пишется, так и пиши,
Только от сердца и от души,
И слушать советов не очень спеши.

Что на душу ляжет,
Что к сердцу прильнёт,
То слово расскажет,
То нота споёт.

Вита, Витулечка, Виточка,
Ты цветущей черёмухи веточка.
Ни мимо пройти,
Ни рукой отвести.
Как тут себя повести?

Иду по проспекту по Ленина,
Прогибаясь на оба коления.
Вот сейчас, вот сейчас растянусь на асфальте,
Тут Вита придет и исполнит на альте.

Зимний этюд

Наша зима - чаровница.
Наша зима – баловница,
Щёки подкрасит, за нос ушипнёт –
Будьте здоровы! Такая я, вот

А вышел из дома, сделал шажок,
Под ногами снежок –
Хрум-хрум, хрум-хрум,
И светлые рифмы приходят на ум.

Ямб и хорей, дактиль и анапест,
Жаль что в строке не достаточно мест.
Рад я зиме нашей Оду сложить,
Чтобы возвыщенно ей услужить.

О войне пишут внуки и правнуки
И в этом, скорей всего, правы они.

Потому что их дедушки и прадедушки
С фронта вернулись. И где уж им

Тратить время. И самая малость
На подобное не оставалась.

Надо жизнь помаленьку налаживать
За землёй, за скотинкой ухаживать.

Города поднимать и отстраивать,
И за мир во всём мире настаивать.

И не каждый из них был горазд
Ту войну пережить ещё раз.

Соколы

Белые соколы
В белом саду.
Красные соколы
В красном саду.

Время придёт
За собой позовёт,
Господи правый,
Куда попаду?

«Им»

Мы всё для вас. Мы всё для вас.
А вы на нас. А вы на нас.

Господа вы наши дорогие,
Мы такие же как вы, но чуть-чуть другие.

Вы скажите нам чем мы вам не нравимся,
Мы услышим, мы поймём, мы исправимся.

Мы к доллáру,
Как к божьему дару,
Готовы на всё,
На то и на сё.

Бедный рубль
Идёт на убыль
Из тощих карманов,
Трясясь от обмана.

Наша страна богата,
Наших богатств не счастье,
С этим у нас слабовато,
Верю – надежда есть.

Цветок

Цветок пробился сквозь траву
В восторге радостном: Живу!

Какое небо голубое!
Какое солнце золотое!

И наяву!

Полночный дождик за окном
Неотвратим как метроном,
Казалось, это сердце
Куда не знает деться
Из заточения грудном.

Тучки

Прилетели тучки,
Каждая по штучке.
Встали в хоровод,
Песенку запели,
Или позабыли,
Или, в самом деле,
Не в ударе были.
Тут пришел народ
Зонтики раскрыли.

Нынче случилось и книги
Стали тяжелы, как вериги.

Они на полке,
Как серые волки.

А мы их любили,
Читали, хранили

Каждую страницу,
Как ока зеницу,
Иль волшебную птицу.

Да вот...

И книгам пришёл оборот
Их без стенаний и муки
Отдаём в хорошие руки.

Даже хранимый всю жизнь фолиант
И тот меломану вручили, как приз...
Теперь там стоит сервант,
А в серванте – сервис.

Чтобы в жизни ни случилось,
Только б солнышко лучилось
Над головами нашими
Твою и моей.

А что зовётся словом,
Воскреснет в свете новом
И ты такое счастье
Всем сердцем разумей.

Городские ласточки

Городские ласточки! Вот и улетели
Может быть, они о том не очень и хотели.

За окном моим с утра стайками летали
И мошке мучителям спуску не давали.

Да пригнали ветры изморозь и тучи
И вопрос об осени вырос неминучий.

И теперь я ласточек больше не встречаю
Летуны улетайте, пусть и заскучаю.

Там густые ночи. Всё жарой одето.
Будем ожидать вас. Подождём до лета.

Нашего. Сибирского.

Воробей

Воробьишко – воробей,
Будь смелее, не робей.
Пусть от нас уходит лето,
А приходит снеговей.

Для меня и твой чирик
Был всегда весьма велик.
Всё с тобой мы одолеем,
И весны увидим лик.

Аляпка

Маленькая птичка аляпка
Ныряет в студёную воду и ей не зябко

Вот сидит она на валуне
И смотрит, что там на дне.

Травинки, песчинки, камушки-
Всё занимает «кумушку».

Вот рыбки стайкой плывут,
Она - вся во внимании тут.

Какая рыбка от стайки отстанет-
Что с этой рыбкой станет?

Старость пришла и разом
На меня навалился маразм.

Я в смятенье: О, господи Боже!
На кого это стало похоже?

Взор ослаб, что не в близь, что не вдаль,
И в груди то ли боль, то ли жаль.

И в причёске прошёл листопад.
Как это всё невпопад!

Позабыть бы, отправить на слом.
Да душа вот, грустит о былом.

Я в зеркала не смотрюсь,
Потому что боюсь,
Боюсь, что увижу там
Нечто из бугров и ям.

Лучше у печки,
Подбросив дровец,
Смотреть, как за дверцей,
Играет огнец.

Тут я совсем молодец.

Петушок

Я дарю вам петушка,
Как надёжного дружка

Он в ненастье вас не бросит,
В счастье лишнего не спросит.

Ваш покой и сладкий сон
Охранять заступит он.

Утром петя петушок
Свой расправит гребешок,

Крыльями захлопает,
Ножками затопает,

Запоёт: ку-ка-ре-ку!..
Гутен так, Мерси. Боку

Не пойму я от чего-то
Встать с кроватки неохота.

То ли солнышко печёт
То ли дождичек идёт.

То ли Вася котик
Лёг мне на животик.

То ли песенка его
Верх хотенья моего.

То ли что другое?..
Это что такое!

Из армянской поэзии
Виктор Овсесян

Незабвенное

Я забыл все слова о любви.
Что когда-то произносил.
И теперь, зови не зови,
Их вернуть не хватает сил.

Жизнь померкла, как в небе звезда,
Как её запоздалый луч.
И уже навсегда-навсегда
Надо мной будет занавес туч.

Но сегодня я встретил Вас
И весь день как влюбленный хожу.
Ваше имя я вспомнил сейчас
И его как молитву твержу.

Бостанджян Анаит

Говорят

Говорят, что слёзы облегчают душу.

Не знаю-не знаю: у кого как.

Я ж эту правду собой не нарушу.

И её подтверждаю: да, это так!

Памяти Вовы

Если бы эта звезда не сияла так ярко,

Если бы к ней не тянулся мой взгляд,

Я бы могла подумать, что ты где-то рядом

Насущный вопрос

О, богиня правосудия-Фемида,
Ты судишь по совести, или для вида,
Когда обе части весов
Не одинаково полны
А стрелка упрямо говорит, что равны

Справедливо ли это?

Думалось, старость она за горами,
За самой высокой горой.
Оказалось, она рядом с нами,
Особенно рядом со мной.

Ой! Ой! Ой!

ПРОЗА

20 22

Берег озера

Если заглянуть вглубь времени, окажется, где стоит наш город, плескался океан, и солнце согревало нашу планету так, что в океане водилось неисчислимое множество всякой живности и таких размеров, что мы и представить себе не можем.

Живущие в воде ещё не имели чешуи, а кто пробовал выходить на сушу, не обладали ни шерстью, ни перьями, они были не к чему. И лишь с постепенным остыванием планеты стали ими обзаводиться.

Всё это рождалось, жило, умирало и опускалось на дно. Там их заносило песком, пылью космической, илом и всяческими обломками. Так это накапливалось один слой за другим, и на больших глубинах, где температура соответствующая и давление накопившихся над ними осадками, из них образовывались капельки нефти, а из неисчислимого количества этих капелек получалась залежь, то есть месторождение, и оно состояло из нескольких таких слоев.

Моя племянница подобный слоистый пирог-торт называла гнилым, то есть гнилой торт.

Месторождения Западной Сибири чем-то похожи на торт моей племянницы. Если мы нашу Западную Сибирь представим огромной чашей, то, вполне понятно, что самые лакомые куски в виде нефти будут находиться на ее середине, наиболее глубокой части, тот есть в Среднем Приобье, а ближе к краям этой чаши станет накапливаться газ, как более легкое и более проницаемое вещество.

Растительность тогда была более чем обильная, даже папоротники по сравнению с нынешними были огромные, как деревья, что можно увидеть на сколах глыб каменного угля добывшего с глубин в тысячу и более метров. Одна эпоха сменяла следующую, одна катастрофа следовала за другой, и по-моему убеждению, их было великое множество, и вот, наконец-то, образовалась на этом месте Великая Западно-Сибирская низменность со множеством рек, озёр и болот.

На берегу одной из таких рек и стоит наш город. Конечно, он вырос не сразу. Прежде с уходом воды сюда пришли люди и стали селиться. Сначала разрозненными семьями, потом общинами, потом поселениями и вот образовались города. Города строятся, растут, теперь не только в ширь и длину, но и в высоту, и сколько город затратит материала на строительство своих высоток, столько же он произведет строительного мусора.

А куда его девать?

Это вопрос вопросов!

Считается, что легче и проще его сваливать в овраг, в какую-нибудь ложбинку, а то и в озеро; завалить его, засыпать, а это место определить под застройку.

Вот такая участь выпала и нашему озеру. Оно было не очень большое и не очень глубокое, но чистое, на берегах его росли кусты тальника и вербы, а на воде вблизи берегов плавали жёлтые кувшинки.

Сначала озеро было зоной отдыха, в основном для ребятишек. Они приходили к нему, купались, загорали,

ловили озёрных гальянчиков, случалось, попадались и карасики величиной с ладошку почти красные, как пять копеек тех ещё советских, и называли их пятаками. При хорошей погоде плавали по озеру на плотиках, собранных из брёвнышек и досок, и гребли кто чем мог, а то и просто руками, или отталкиваясь шестом о дно. Позже к озеру машинами укатали дорогу и вдоль берега стали селиться люди, строили свои жилища без всякого плана, кто на что горазд. Кто из брёвен, кто из бруса, а кто и просто соображал избушку-насыпушку, где доски снаружи, доски внутри, а между ними засыпались опилки.

Город вынужден был взять их на учёт как «Берег озера». К нему подвели свет, организовали подвоз воды и жизнь пошла своим чередом. Озеро засыпали, засыпали и засыпали основательно со всеми его гальянчиками, карасиками и кувшинками.

Так «Берегу озера» суждено было стать ещё одним жилым микрорайоном.

И вот от всего поселения «Берег озера» осталось одна избушка с пристройкой в виде сенок, пожилой женщины и её собакой, обычновенной, беспородной, большой, пушистой и очень доброй. Собака не столько охраняла избушку и её хозяйку, сколько жила при них.

Ещё когда «Берег озера» был сплошь деревянный, почти при каждом доме жили собаки, и лаяли только когда около них проезжала машина.

А вечерами у собак начиналась перекличка, они перелаивались между собой, вроде говоря друг другу,

что всё хорошо, что хозяева вернулись с работы и теперь готовятся ужинать. Другие собаки радостно откликались, что у них тоже все хорошо, все в порядке. К ночи они успокаивались, лишь изредка какая подаст голос, то как бы извиняясь.

Наконец и нашу хозяйку уговорили переселиться в одну из высоток, возведённых вблизи, а избушку обнесли забором, чтобы в неё никто не лазил и случайно не устроил пожар.

Какое-то время собаки не было видно, но вот вечерами всё чаще и чаще она стала прибегать к своему дому, и сидела в ожидании хозяйки.

Прохожие пробовали её подкармливать, но не это было собаке нужней.

Строители стали во двор завозить свою технику, расставлять её, забивать сваи, шуметь, греметь и собака почувствовала, что они чужие и она здесь только мешается.

Вечерами, когда строители уезжали по домам, собака подходила к забору и начинала жаловаться, нет, не визжать, не лаять, а именно жаловаться. Она вспоминала, как, плача, причитала хозяйка, когда ей было плохо, и непроизвольно начинала подражать её плачу:

- ы-ы-ы, ай-ай-ай, ой-ой-ой. Что же мне теперь. Куда мне теперь. Совсем одна, и пожалеть некому.

- и-и-и, ай-ай-ай, ой-ой-ой. Что же мне остаётся?

Строители все пространство заставили своей техникой и

для собаки место уже не оставалось. Прошло ещё несколько дней и она перестала приходить к своему дому.

Что с ней стало, не знаю.

А ведь можно было обойтись и по-другому. Облагородить этот уголок, озеро почистить, проложить дорожки, поставить продуктовые павильоны, мороженого там, напитков, летние бары, да и мало ли что. Закупить несколько «тузиков» - лодочек для прогулок по озеру и благодать. И вот ещё одно место для культурного отдыха горожан. Но что сделано, то сделано.

Сан Саныч

В детстве, в мои школьные годы, я ещё захватил то время, когда в нашей стране – СССР - было раздельно обучение, то есть девочки учились в своих школах для девочек, мальчики в своих – мужских. Пятых классах в школе, где я учился, было а, б, в, г, д, е. В классы - а, б, ну ещё в отбирали лучших учеников, а в такие как в, г, д, е наиболее слабых.

Меня определили в 5-й е, мама опасалась, что я, приехавший из деревни, где окончил четыре класса, только на четыре и пять, здесь в городе буду отстающим.

Она даже записала меня, чтобы я походил с теми ребятами, которых оставили на осень. Я ходил всего на два занятия, а на третьем учительница, ведущая эти занятия, мне сказала: мальчик, тебе приходить больше не надо. Я об этом сказал маме, маму это немножко успокоило. Наших деревенских учительниц мы, ребятишки, уважали и старались их не огорчать.

За всё им большое спасибо.

Нашим классным руководителем, или ответственным за наш класс, был назначен Сан Саныч.

Он вёл у нас арифметику. Мы не единственные были, за которых он отвечал, потому что он преподавал еще математику и физику в старших классах. У него не было одной руки, левой, и он пустой рукав её заправлял под офицерский ремень полу военного френча.

Иногда на большой перемене он подходил к нашему

туалету, из которого уже облаками валил папиросный дым, и каждому ученику, выходящему оттуда, выдавал по подзатыльнику, даже и вовсе не курящим. Кое-кому удавалось и проскочить под его рукой. Подзатыльники эти были безобидные, скорее всего, в назидание, чем в наказание, и на этом борьба с куряками и ограничивалась. Никакого иного наказания за курение не применялось.

Как-то несколько занятий в нашем классе вела арифметичка, преподававшая в пятых классах отличников, и как раз выпала новая тема – десятичные дроби.

К нам она относилась как бы с некоторым пренебрежительным снисхождением.

Может быть, оттого, что в нашем классе, 5-ым е, почти у всех ребят родители работали на заводе в цехах, а в пятом а, её подопечном, в основном, были ребята из хороших семей – интеллигентных.

- Кто из вас выйдет к доске и объяснит нам, что такое десятичные дроби? - сказала она, как бы зная наперёд, что никто не выйдет.

Я осмотрелся - не одной руки, и я не поднимаю, вот еще выпячиваться. Переспросила, раз и другой и вышла из класса, мы подумали, что пошла жаловаться. Нет.

Скоро вернулась с мальчиком из 5 а, отличником, маменькиным сынком. Мальчик на десяти яблоках объяснял нам, что такое одна десятая их часть и даже написал это на классной доске.

Я подумал, что несколько не хуже смог бы рассказать о десятичных дробях, и не только я один, но промолчал. Учительница горделиво проводила мальчика до двери.

- Так! – сказала она повелительно, - к завтрашнему уроку, чтобы на такой-то странице, такие-то и такие задачи были решены, кто не справится, тому – 2. Урок закончен. Зазвенел звонок мы встали и пока учительница не вышла из класса, молча стояли у своих парт. Конечно, некоторым ребятам ей действительно пришлось поставить двойку и не, потому что не смогли понять и осмыслить, а потому что у многих даже места для занятий дома не было, не то чтобы иметь свой письменный стол. Вот к нам каждый год приходила комиссия из всевозможных ОНО – рай-гор-обл, как к семье, где три ученика две девочки и один мальчик, я, средней школы, обитавших в комнате где они занимали два угла, два других принадлежали другим жильцам.

Приходили, замеряли и я ползал под кроватями, держа конец ленты, и, слышал из года в год, что ширина и длина нашей комнаты неизменна - 4,02 метра. Раньше это строение было конюшней артиллерийского училища, стойла которого оборудовали под комнаты для одиноких работниц завода. От очередных их посещений у нас ничего не менялось. Я закончил школу и комиссии перестали к нам приходить.

Вернулся, Сан Саныч и по его виду было заметно, что он чем-то расстроен.

- Здравствуйте, ребята, садитесь, садитесь, - сказал он.

- Не справились с десятичными?

А я то, думал, что вы у меня просто молодцы-удальцы!

- А что она сразу за своим любимчиком побежала, мы и сами смогли бы.

- Не очень удобно мне было слушать нелестные слова о вас, ребята.

- Прошу держать марку своего класса высоко. В футбол – то вы вон как, старшим только один гол уступили на первенстве школы. Рад. А учится, надо на всем серьезе. Вот окончите школу, поступите в Вуз, там знания нужны крепкие. Ладно. Заканчиваем лекцию.

- Сан Саныч, многие из нас после школы пойдут на завод мантулить, то есть работать, сначала учениками токарей там, слесарей, жестянщиков. Нам аттестат получить бы, чтобы родители были довольны.

- Дорогие мои! На заводе тоже нужны знания, дадут, к примеру, вам деталь выточить, а вы и чертежа её не сможете прочитать, как к нему подступиться. Так что давайте учиться, учиться и еще раз учиться, как завещал нам наш дорогой Владимир Ильич, и вообще, знания нужны, чтобы сообразиловка работала. Договорились!

- Договорились!- ответили мы дружно

Вскоре в стране произошло смешенное обучение: девочки-мальчики в одной школе.

Мама перевела меня в другую школу, что поближе к нашему дому. И такого учителя, как Сан Саныч я уже не встречал, но запомнил: Надо учиться, чтобы сообразиловка работала!

Вася

Молодая семья: папа, мама и их сынишка Вася, ученик младших классов средней школы, решили сходить в парк, который совсем недалеко от их дома, погулять, подышать, как говорится, свежим воздухом и если будет настроение, покататься на «ватрушках». В этот день и у мамы, и у папы Васи выпали выходные и поэтому они решили провести их вместе, всей семьёй.

Погода на удивление этому благоприятствовала – светило солнце, ветра не было почти совсем, и снег, выпавший на днях, был чистый, мягкий и хорошо лепился в снежки. И папа и мама непроизвольно стали, шутя, кидаться ими. Вася, конечно, встал на сторону мамы и папа, чувствуя, что он проигрывает, спрятался за большую сосну. Когда жар «сражения» стал немного спадать, папа изловчился и, брошенный мамой снежок, поймал ртом, чем вызвал у всех неудержимый смех, скажу для рифмы.

Насмеявшись, они вышли на почищенную снегоуборочной машиной дорогу и пошли по ней.

Пройдя немного в сторону горки они увидели на стволе дерева, сосне, нечто слепленное из снега и сразу было не понять что это? Зайчик – не зайчик, кролик – не кролик, зверушка какая-то, карабкающаяся вверх.

- Он похож на маленького медвежонка, - сказал Вася.

Васе нравилось рисовать и лепить и его папа с мамой

решили на следующий учебный год записать в художку, то есть художественную школу.

- Да, - согласился пapa, - он похож на маленького медвежонка с большими ушами.

Мама улыбнулась и толкнула пapa в плечо, - Тоже, скажешь.

Они сделали несколько снимков на телефон с этим медвежонком.

В пункте проката взяли «ватрушку» и Вася с удовольствием и радостью покатался на ней среди таких же как он сам веселых ребятишек. Даже мама не удержалась и один раз прокатилась, а пapa не стал, он же не маленький.

Спустя некоторое время, мама сказала, что день клониться к вечеру, а дома ещё и обед не готов.

Домой они пошли по другой стороне парка и тут было невозможно не заметить снеговика с руками-ветками, которыми он как бы намеревался обнять всех проходящих рядом.

Недалеко от выхода из парка, пapa сказал: Давайте и мы своего снеговика сваяем. Вася пapa поддержал, а мама слегка раздраженно напомнила о скором вечере, а они всё ещё гуляют. Ладно, ваяйте, только маленького и побыстрей, - сказала она.

Они скатали снежный ком и хотели к нему приладить голову, но Вася их остановил – Я сам. Он этот ком определил

как постамент, а из папиного и маминого снега сделал небольшое туловище снеговичка с ручками, как полагается, приладил голову, определил, где глаза, где рот. Мама принесла небольшой пучок сосновых иголок: Вася, сказала она, - сделай ему и причёску, чтобы он на человечка походил.

И всё вышло замечательно: на постаменте маленький снеговичок-лесовичок, такой весёлый и улыбчивый, всем он очень понравился. С ним тоже сделали несколько снимков.

Когда выходили из парка, Вася воскликнул: Сейчас, - и побежал к своему снеговичку. Там он взял тоненький прутик и на постаменте снеговичка написал Вася. И этим как бы запечатлел первый в своей жизни автограф, и, довольный, стал догонять папу и маму.

Хорошо!

Грунтовая дорога слегка намеченная среди травы идёт вдоль ручья.

Где-то почти у самого конца дороги, слева, есть дача-огород моей сестры. Она получила

этот участок лет двадцать тому назад, когда в стране по всему Союзу от предприятия можно было получить шесть соток земли на обустройство дачи. Даже у почты, где она работала, была такая возможность.

Иду. Погода хорошая. Светит солнце. Смотрю на заросли кустарников. Иногда в них просматривается цветущая черёмуха. Поют птицы. Идётся легко.

Вдруг на проплешине дороги свободной от травы вижу рака, лежащего на спине и шевелящего своими рачьими руками. Он небольшой.

Невольно вспомнились выступления по телевизору артиста Романа Карцева, как он покупал раков.

- Сегодня раки по три рубля, ну очень маленькие, а вчера были большие по пять рублей, а сегодня по три рубля, ну очень маленькие, а те по пять рублей были большие, но вчера...

Он как бы раздумывал повторяя несколько раз о своей покупки и аудитория смеялась от души.

Правда, смешно.

Как он, рак, сюда дополз и перевернулся на спину.

Можно предположить, что какая-то хищная птица его поймала и полетела-понесла к своему гнезду. Он же, не будь дурак, хвать её клешней за лапу, мол, чего привязалась.

Она и отпустила его, только упал он неудачно, на спину, зато живой и целёхинький.

Поднимаю, - ничего, я тебя отпущу.

Дохожу до того места, свободного от кустарников, куда сестра ходит за водой для полива

своих грядок, добираюсь до воды и отпускаю.

- Живи. –

Ну, вот ещё поутру одно неплохое дело уже совершил.

Хорошо!

